

Археологические исследования на северо-западе России

Раскопки на усадьбе Адриано-Андрусовского монастыря в 2017 г. (Олонецкий район Республики Карелия)

М. М. Шахнович

DOI:

На островах и побережье Ладожского озера в XVI–XVIII вв. существовало более десяти больших и малых православных монастырей. Наиболее известные из них – Коневский Рождество-Богородичный, Николо-Медведский, Спасо-Преображенский Валаамский, Никольский Адриано-Андрусовский, Киприано-Стороженский Никольский, Петропавловский Габанов, Троицкий Сенной монастыри. Роль обитателей в сложении истории и экономики Приладожья трудно переоценить. Но, к сожалению, только на некоторых из них в 1980–1990-х гг. эпизодично осуществлены небольшие археологические работы (Кирпичников, Хлопин, 1974. С. 14; Бирюков, 1999. С. 13–14; Сорокин, 2004. С. 89–107). В 2017 г. экспедиция Национального музея Республики Карелия провела раскопки на усадьбе Адриано-Андрусовского монастыря в Олонецком районе Республики Карелия.

Краткий исторический очерк

Андрусова пустынь была основана преподобным Адрианом Андрусовским (ум. 1550 г.) в первой половине XVI в. на полуострове восточного побережья Ладожского озера. Первое описание комплекса монастырских построек на берегу Андрусовской бухты содержится в Писцовой книге 1563 г.: «Манастырь на Ладожском озере под Андрусовым носом на Салме Андрусова пустыня, а в нем церковь Никола чудотворец да другая церковь теплая Введенье пречистые, а в манастыре игумен Иона да 17 старцов, а пашни в манастыре нет. Да за Салмою на острове двор манастырской коровницкой, а в нем коровник Микитка» (Писцовые книги, 1930. С. 75). Комплекс монастырских построек к 1570-м гг.: летний каменный Никольский храм и зимний деревянный Введенский с трапезной, восемь келий, обнесённых рубленой деревянной оградой. Скотный двор с необходимыми службами находился на острове Сало (Кожевникова, 2017. С. 98–119).

В первой половине 1680-х гг. в Андрусовой пустыни активно велось деревянное строительство.

Внутри бревенчатой ограды рядом с каменной Никольской церковью был поставлен Введенский храм с отдельной колокольней, а над могилой преподобного. Адриана Андрусовского – новая часовня. Оба храма были сделаны «на взмостье», т.е. на каменных фундаментах. Монастырь имел «хлебную» келью для хранения продуктов, девять братских келей, а на берегу Ладожского озера – монастырскую «поварню» и два «житных» амбара.

С 1685 по 1720 г. Андрусова пустынь действовала как женская обитель. В начале Северной войны она снова оказалась в районе боевых действий, проходивших в Приладожье, и в 1702 г. подверглась нападению шведов. В 1723–1727 гг. по причине «малобратства» её приписали к соседней Сяндемской Успенской пустыни. По секуляризационной реформе 1764 г. Андрусова пустынь была упразднена; на её месте образовался самостоятельный приход с двумя церквями (Кожевникова, 2017. С. 119–138).

В 1807–1809 гг. Никольскую церковь отремонтировали на средства санкт-петербургского купца А. Сергеева. Над её папертью была устроена колокольня с шестью колоколами «на четырёх столбах каменных, покрыта шатром на четыре угла, шатёр покрашен черлядью на масле, глава обита жостью, крест деревянной вызолочен на масле» (Кожевникова, 2017. С. 162–180). В 1818 гг. указом Санкт-Петербургской духовной консистории Андрусову пустынь восстановили как самостоятельный мужской заштатный монастырь.

В XIX в. центральная усадьба Андрусовой пустыни разительно преобразилась. Главным сооружением в ней оставался обновленный древний Никольский храм. «Ветхая деревянная и к починке вовсе неудобная» Введенская церковь в 1815 г. была разобрана. На мысу в Андрусовской бухте появились четыре одинаковых деревянных флигеля с кельями, кухней и трапезной (размерами 8 ×

3 саж.) на прочных фундаментах из булыжника. Они располагались с южной, восточной и северо-восточной стороны от каменного храма. Отдельно от них стояла «кладовая для хлебных припасов» (размерами 3 × 2,5 саж.). «На восточной стороне вне монастыря» находился колодец, крытый новым шатром с крестом. За оградой, возле проселочной дороги поставили двухэтажную деревянную гостиницу, а при ней – «двор с конюшнями» и сеновалами и братская баня (размерами 3 × 2 саж.) (рис. 1).

С именем строителя иеромонаха Иосифа (1826–1835 гг.) связано возведение каменной Введенской церкви. Сильное наводнение 1825 г., когда «с полуденной стороны вода вступила в святые ворота», убедило монахов отказаться от строительства нового храма на его прежнем «мокром» месте, которое в то время отмечал поклонный крест. Соборную Введенскую церковь поставили над почивавшими под спудом мощами преподобного Адриана Андрусовского (рис. 2).

При иеромонахе Феодоре для экономии времени и денег кирпич производят прямо в обители. В 1840–1841 гг. из него строится корпус для братской трапезной и кухни, в 1843 г. – ещё один флигель, часть монастырской ограды с двумя башнями и парадным входом. Каменная стена огораживала монастырские постройки со стороны лесной дороги, которая вела в мужскую обитель из Ильинского погоста. В том же 1843 г. «из плитного камня» были выложены дорожки, соединившие Никольскую и Введенскую церкви со Святыми воротами и трапезной (Кожевникова, 2017. С. 220–239).

С 1918 г. в ликвидированной Андрусовой пустыни создан совхоз им. Володарского. В 1929 г. Никольская и Введенская церкви были закрыты, их здания переданы местному рыболовецкому совхозу «Тойсто» Ильинского сельсовета. Предположительно в конце 1930-х гг. они были взорваны. В 1941–1944 гг. на территории Андрусовой пустыни размещался финский командный пункт Ontroila. К 1942 г. от прежнего комплекса монастырских

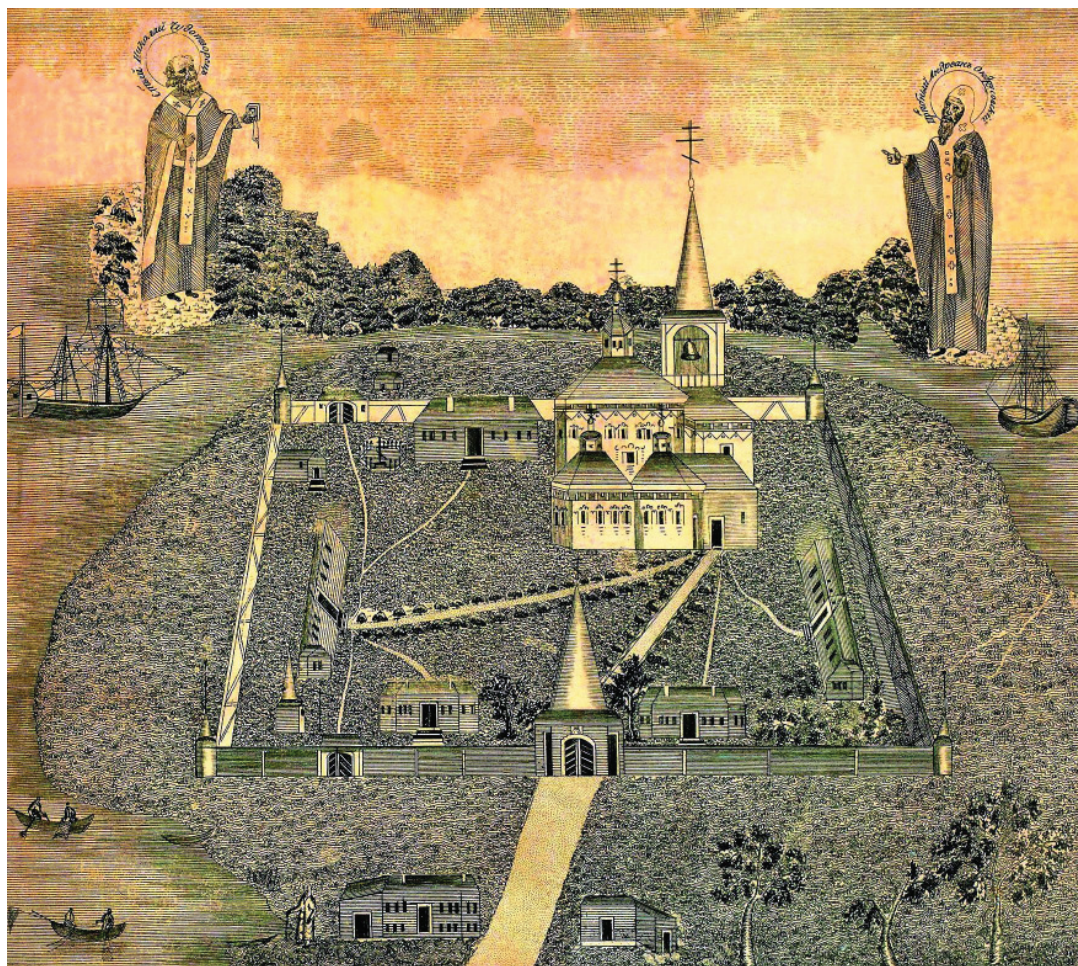

Рис. 1. Андрусова пустынь в 20-х гг. XIX в. (Кожевникова, 2017. С. 144)

Рис. 2. Андрусова пустынь в середине XIX в. (Историко-статистический очерк Олонецкой губернии. СПб. 1906).

построек сохранились только три каменных флигеля. Кирпичная ограда к началу войны была разобрана, уцелел единственно парадный вход с колоннами. Перед ним стояло двухэтажное бревенчатое здание – бывшая монастырская гостиница. После окончания войны в Андрусово открылся Ильинский филиал Сортавальского рыбзавода, функционировал небольшой поселок. В конце 1950-х – 1960-е гг. недалеко от руин монастырских церквей был устроен летний открытый загон для коров Ильинского совхоза. В начале 1990-х гг. в Андрусово стояла одноэтажная деревянная постройка Туксинской базы отдыха. С 2011 г. здесь возрождается православный Никольский Адриано-Андрусовский мужской монастырь.

Палеогеография и гидрорежим восточного побережья Ладожского озера

Андрусовский монастырь располагается на северо-западном берегу одноименного залива, единственного на протяжении 80 км восточного берега озера (от р. Свирь до р. Видлица). Восточный берег Ладожского озера низкий, слабо изрезанный, подтапливаемый из-за неотектонического субмеридионального перекоса водоёма. Побережье здесь изобилует мелями, каменистыми рифами и банками, встречаются широкие песчаные пляжи. К западу от монастыря, через протоку шириной в 30 м находится остров Сало – один из крупнейших на восточном берегу Ладожского озера (размерами 3,3 × 0,8 км). Он невысокий, его основа – каменистая морена. Высота прибрежного возвышения, где находится усадьба монастыря, небольшая, не более 5,5 м. Учитывая незначительную скорость блокового подъёма в этом районе Приладожья и соответственно, медленное и постепенное отступление береговой линии Ладожского озера, можно считать, что оно сформировалось как участок суши в срав-

нительно недавнее время, скорее всего, на рубеже I и II тыс.

Современные сезонные колебания уровня воды в озере невелики из-за значительной площади поверхности водоёма и незначительной годовой вариации количества поступающей в него воды. Всё же берега Ладожского озера за последние пятьсот лет претерпели некоторые изменения. Уровень озера в XVI в. был выше современного на 1–1,5 м, что значительно увеличивало и ширину протоки между материком и островом Сало и, самое главное, почвенную обводненность холма, на котором располагались монастырские строения. Во время весенних паводков, вплоть до XIX в. «монастырский» холм временно превращался в остров, иногда почти полностью затоплялся, как в 1825 г. По нашему мнению, именно это обстоятельство стало одной из причин выбора данного места преподобным Андрианом при вторичном основании обители, так как соответствовало сформировавшейся в позднем Средневековье пространственной «островной» модели православных монастырей (Шахнович, 2016, С. 435). Эти постоянные сезонные подтопления территории были негативным фактором для длительного проживания.

Особо остановимся на таких важных для понимания культурного слоя памятника факторах, как слагающие этот участок побережья грунты и почвенная гидроситуация. От песчаных участков северного берега залива, начинающихся уже в 0,3 км к северу, возвышенность монастырской усадьбы отличается кардинально другим характером пачки грунтов. Здесь это небольшой верхний слой суглинистой почвы, под которым находятся тяжелоглинистые пласты, намытые на валунную гряду ледникового происхождения. В целом это приводит к низкой водопроницаемости и переувлажнению этого участка берега.

История изучения

До 2017 г. место усадьбы монастыря исследовалось археологами эпизодично. В 1987 г. И. В. Мельников осматривал окрестности Андрусовской пустыни при проверке сообщения о камне-следовике. Подходящий под описание валун с углублением похожим на след человека обнаружен в 0,1 км к северу от ворот монастыря, в 20 м к западу от дороги в п. Ильинское. В 1992 г. территория усадьбы монастыря обследовалась И. Ф. Витенковой, которая описала хорошо различимые в рельефе местности заросшие развалины фундаментов двух каменных храмов XVI и XIX вв., остатки каменной ограды и вымостку XIX в. В 2014 г. К. Э. Герман и Т. П. Амелина по визуально различимым остаткам фундаментов

монастырских строений XIX в. (дома, церкви, ограда) определили границы памятника. В 2016 г. М. М. Шахнович осматривал расположенный рядом остров Сало, на котором, согласно житию, первоначально поселился преподобный Адриан.

Описание работ 2017 г. Общая информация

Усадьба Адриано-Андрусовского монастыря располагается на восточном берегу Ладожского озера (Олонецкий район Республики Карелии), на удобном северо-западном берегу бухты Андрусовской, в 19 км к западу от г. Олонца, в 3,5 км к западу от п. Ильинский. Для монастыря было выбрано небольшое прибрежное всхолмление, примерные размеры которого 0,16 × 0,3 км, максимальная высота до 5,5 м над современным уровнем Ладожского озера. Площадь памятника составляет 15360 кв. м. Поверхность задернована, покрыта луговым травостоем и кустарником.

Усадьба монастыря, как следует из приведённого исторического очерка, в период с XVI по XX в. неоднократно застраивалась. В современном рельефе хорошо просматриваются задернованные контуры фундаментов исторических построек XIX в., разобранных в XX в. Южная часть усадьбы, примыкающая к протоке, сильно испорчена земляными работами 1980-х гг. Участок, где в 2017 г. заложен раскоп (площадью 80 кв. м), от ворот ограды до церквей, в XIX–XX вв. не включался в зоны хозяйственной деятельности и был условной «парадной», «входной», наиболее возвышенной территорией усадьбы.

Стратиграфическая колонка культурных отложений в раскопе единообразна: дёрн, мощностью 0,04–0,05 м; тёмно-серая супесь с кирпичной и известковой крошкой (наброс) – 0,12–0,25 м; супесь чёрного цвета – 0,1–0,3 м; тонкий слой кирпичной крошки в центральной части раскопа – 0,03 м; тёмно-серый суглинок – 0,08–0,12 м; погребённый чёрный слой – 0,04–0,06 м; серый суглинок с красноватым оттенком – 0,02 м; серый суглинок – материк, проступил на глубине 0,55–0,60, по изгибу древнего рельефа, с небольшими западаниями культурного слоя в местах поздних сооружений. Чередование слоёв супеси и песка объясняется тем, что данный участок берега сформировался в ходе прибрежных процессов (наводнения, водно-прибойная деятельность).

Анализируя стратиграфическую ситуацию в раскопе, можно утверждать, что первоначально этот участок двора усадьбы представлял собой часто обводнённое понижение микрорельефа, которое в последующем неоднократно засыпалось.

Отсыпка производилась битым кирпичом и штукатуркой – материалом от разрушенных церквей. По всей видимости, это происходило после 1930-х гг., последний раз в 2000-х гг. Таким образом, максимальная мощность культурного слоя на исследованном участке не превышает 0,6 м. По всей площади раскопа под дерном находится перемешанный слой грунта, перемещённого от церкви: тёмно-серая супесь с кирпичной крошкой и известью, мощностью 0,12–0,25 м. Культурный слой на «монастырском дворе», который можно отнести к продолжительному монастырскому периоду (середина XVI – начало XX в.), в современном состоянии незначителен, толщиной 0,3–0,35 м. Скорее всего, именно этим можно объяснить, что находки XX в. встречаются и в предматериковом слое. Культурный слой не повреждён поздними перекопами, но из-за сильной перемешанности материала его трудно точно разделить на две традиционные условные составляющие: слои «монастырского» и «советского» периодов.

Объекты. В границах раскопа открыты остатки четырёх искусственных сооружений.

Кладка 1. В западной части раскопа зафиксирована каменная вымостка. Она проступила ровным слоем с уровня 0,2–0,21 м, в плане правильной прямоугольной формы, размерами 3,2 × 0,7 м, направление по длинной оси – северо-восток–юго-запад, имеет чёткие внешние границы. Преимущественно небольшие камни (0,05–0,2 м) плотно уложены в два ряда, с аккуратной «подгонкой» друг к другу. Крупных камней (диаметром до 0,3–0,35 м) четыре штуки. При создании вымостки вместе с камнями единично использовались куски кирпича. Следы от термического воздействия отсутствуют. Окружающий слой единообразный – песок чёрного цвета. Нижние камни лежат на предматериковом слое жёлтого с красноватым оттенком песка. Западание культурного слоя под кладкой отсутствует. При разборке кладки между камней найдены два кованых гвоздя и по одному фрагменту поливной, красноглиняной и белоглиняной керамики. Предварительно создание данной кладки можно датировать периодом XIX – начало XX в. (рис. 3).

Самое простое предположение относительно функционального назначения кладки 1, что это частная попытка «окультурить» с помощью мощения на небольшом участке дорожку, идущую через влажное понижение от жилых строений в северной части монастыря к церквям. Но однозначно утверждать, что она полностью комфортна для пешего движения, нельзя. Во-первых, её поверхность не совсем ровная: одиночные, крупные камни незна-

Рис. 3. Пустынь Андрусова. Кладка 1. Уровень 0,5 м.
Вид с юга

Рис. 4. Пустынь Андрусова. Кладка 2. Уровень 0,5 м.
Вид с юго-востока

чительно (на 4–5 см), но выступают над общим уровнем. Во-вторых, точно по направлению кладки, через 1 м к северо-востоку возвышается крупный валун, верхняя часть которого выше на 0,2 м, что тоже нельзя признать удобным.

Кладка 2 находится в 1 м к юго-востоку от кладки 1. Это ряд из семи крупных уплощённых валунов, уложенных по линии юго-запад–северо-восток, параллельно кладке 1. Размеры наибольшего камня в северной части кладки $1 \times 0,6$ м. Остальные камни размерами $0,5\text{--}0,6 \times 0,5$ м. Верхний уровень сложения проступил на глубине $0,35\text{--}0,4$ м. Он неровный, колебание верхних плоскостей камней 4–6 см. Толщина кладки до $0,25$ м. В её южной части, чтобы сгладить общую верхнюю плоскость и придать ей большую устойчивость, камни уложены в два ряда. Длина сооружения $3,5$ м, ширина $0,5$ м. Окружающий слой единообразный (песок чёрного цвета). Нижние камни лежат на предматериковом слое жёлтого с красноватым оттенком песка. Находки между камнями отсутствовали (рис. 4).

По результатам раскопок, кладка производит впечатление законченного сооружения. Сложение можно воспринять как участок сложенного без раствора фундамента для небольшого деревянного здания, если бы оно не было таким небольшим и имело конструктивное продолжение. В этом случае кладки 1 и 2 должны рассматриваться как единый комплекс.

В раскопе обнаружены несколько «поздних» объектов. «Пешеходная дорожка» XX в. стала хорошо заметна с уровня $0,25$ м как чёткая полоса кирпичной и известковой крошки шириной $0,8$ м на общем фоне песка чёрного цвета. В границах раскопа она прослежена в длину на $3,8$ м.

В основном она отсыпана крупным битым кирпичом; встречаются и аккуратные выкладки в один ряд из плотно и насухо подогнанных друг к другу кирпичей.

В центральной части раскопа выявлены две колеи дороги, проходящей по территории усадьбы по линии северо-восток–юго-запад, параллельно всем вышеописанным объектам в раскопе (кладки 1 и 2, дорожка). Общая ширина $1,15$ м, длина в границах раскопа 6 м. Ширина западной колеи $0,25$ м, восточной $0,35\text{--}0,4$ м. Как контрастные цветовые полосы суглинка тёмно-серого цвета с кирпичной крошкой на общем чёрном фоне, идущие поперёк раскопа, дорога стала просматриваться с уровня $0,2$ м. Заполнение колеи – хаотично набросанные куски кирпича, небольшие камни (размерами $0,15\text{--}0,2$ м). В восточной колеи камни были уложены на слой еловых веток. Использование веток и коры для создания дорожного полотна в Карелии известно по этнографическим данным (Логинов, 1993. С. 72; Студенцова, 2017. С. 143). Датировка объекта – первая половина XX в.

Таким образом, из четырёх выявленных в раскопе конструкций две («дорога» и «дорожка») однозначно и две (кладка 1 и 2) предварительно являются способом оформления путей движения (пешего и колёсного) по топкому участку территории усадьбы. К сезонным паводкам и общей обводнённой площадки усадьбы насельники монастыря и последующие жители, вероятно, относились фатально, и дренажные работы, по-видимому, не проводились. На гравюрах первой половины XIX в. очень достоверно передана структура монастырской усадьбы: весь комплекс построек на момент написания иконы (церкви, братские кельи, служебные постройки, ограда, центральные ворота, дорожки). Результаты наших работ этому не противоречат.

Находки

Небольшой по мощности культурный слой сильно перемешан, что характерно для поселения, существовавшего около пятисот лет. В его верхней части единично встречаются «ранние» находки в переотложенном состоянии. В то же время поздние вещи XX в. (каучуковая подошва, гильзы, пластиковый гребень, оконное стекло и т.п.) редко, но залегают «внизу» вместе с керамикой XVII в. Такая ситуация не умаляет важности и ценности этих материалов. Смешанность разновременных комплексов и отсутствие чёткой стратиграфии – обычное явление для комплексов позднего Средневековья – Нового времени.

Коллекция, полученная из раскопа, небольшая (733 экз., в среднем 9,1 шт. на 1 кв. м). Она охватывает широкий временной диапазон – XVI–XX вв. Основная часть находок – невыразительные предметы XX в., около 430 шт. (60 % от общего количества находок): гвозди фабричного производства, гильзы, оконное и тарное стекло, пластик, осколки изоляторов и т.п. В слое они находились преимущественно на глубине 0,1–0,5 м. Существует сложность с атрибутированием и датированием ряда предметов, так как существенная масса находок из железа имела продолжительное бытование на протяжении XVIII–XIX вв. Кроме того, большинство из них находится в неудовлетворительном состоянии, корродированы, деформированы, фрагментированы и преимущественно представляют бытовой мусор. Это не позволяет уверенно разделить часть предметов на разновременные группы, и их датировки носят предварительный характер. Песчаный грунт и постоянно меняющийся влажностный режим почвы не способствовали консервации органических остатков, возможно, поэтому изделия из кожи, дерева, кости отсутствуют. Кроме того, центральная, «парадная» часть усадьбы, вероятно, более активно «прибиралась» насельниками монастыря.

Массовый материал

Обычно для раскопок позднесредневековых комплексов самая многочисленная группа находок – это железные строительно-крепежные гвозди (182 шт.). Их можно разделить на две группы: проволочные фабричные с прямоугольным и круглым сечением стержня (109 шт.) и более «древние» кованные, фрагментированные (19) и целые экземпляры (54). Кованные гвозди часто деформированы, имеют подквадратное или подпрямоугольное поперечное сечение стержня (0,4–0,6 × 0,4–0,7 см), плоскую расплюснутую шляпку в плане подпрямоугольной формы и плавное сужение по всей длине. Длина стержней кованных «гвоздей прибойных» пре-

имущественно находится в пределах от 6 до 9,5 см («одно- и двоетёсы») (рис. 5).

Предметы стекольного производства – осколки бутылочной и баночной тары (60 экз.): фрагменты горлышек (5) различного диаметра (2,6, 2,8, 3,1 см) и доньшек (7) советского и иностранного (финляндского?) производства. В 2017 г. ни одного целого предмета из стекла не найдено. По цвету стекло можно разделить на бесцветное и «бутылочное» различных оттенков зелёного и коричневого цветов. К ёмкостям для вина конца XVIII–XIX в., круглым в горизонтальном сечении, предварительно отнесены только пять тёмно-зелёных осколков со специфичной «радужной» цветностью от большого содержания свинца (среди них горлышко диаметром 2,9 см и придонная часть бутылки). Толщина осколков стеклянных сосудов в придонной части от 0,5 до 1,2 см, стенок 0,4–0,5 см (рис. 6: 1).

Хороший маркер в культурном слое – стреляные гильзы разных калибров 1940-х гг. В нашем случае это гильзы от сигнальных ракет (2,7 см) (2 шт.),

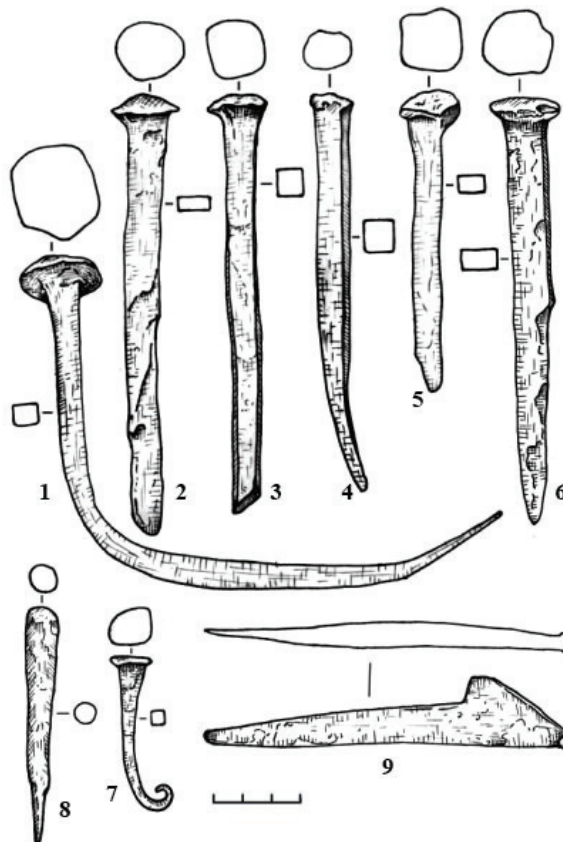

Рис. 5. Пустынь Андрусова. Находки из железа: 1–7 – гвозди кованные; 8 – керн?; 9 – крюк

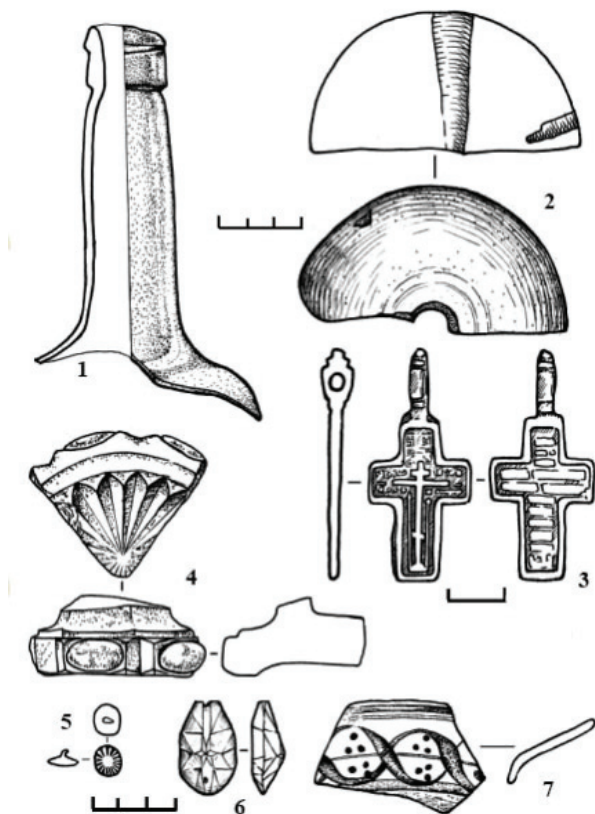

Рис. 6. Пустынь Андрусова. Находки: 1 – горлышко винной бутылки, стекло; 2 – фрагмент шара, мрамор; 3 – крест нательный, медь; 4 – фрагмент подставки, стекло; 5 – пуговица, медь; 6 – подвеска от люстры, стекло; 7 – фрагмент тарелки, фаянс

мелкокалиберные (0,6 см) (9 шт.), пистолетные (2 шт.) и винтовочные гильзы (7,62 × 53,72 мм) с маркировкой VPT 37, 38, 42 (Valtion Patruuna Tehdas – государственный патронный завод) в г. Лапуа (Финляндия) (86 шт.). Они встречаются на глубине 0–0,5 м и попасть на раскопанный участок могли вместе с перемещенным грунтом от церкви, где был установлен в годы войны зенитный пулемёт. Они входят в блок находок, который связан со временем пребывания на усадьбе монастыря финского гарнизона в 1941–1944 гг.: стеклянный шприц с маркировкой SILIKON, неясные обрывки амуниции, шинельная пуговица с гербом и т.п.

Керамика

В материале из раскопок 2017 г. присутствует небольшой блок находок фрагментов керамической (120 экз.), фаянсовой и фарфоровой посуды (56), а также печные изразцы (4). По технологии изготовления (сырьё, обжиг, характер обработки поверхности)

керамический материал (за исключением полностью ошлакованных экземпляров) можно разделить на следующие группы: поливная, белоглиняная и красноглиняная (или красножгущаяся) керамики.¹

Поздняя поливная посуда немногочисленна (34 мелких фрагмента), предположительно от двух-трёх сосудов. Полива тёмно-коричневого и тёмно-зелёного цветов прослеживается на внутренних стенках изделия и по внешнему краю венчика сосуда. Есть обломок маленькой ручки и фрагмент от стенки «бальзамной» бутылки. Датировка – конец XIX–XX вв.

Белоглиняная керамика (38 фр.) представлена обломками днищ и стенок от трёх горшков, фрагментами верхней части кувшина и стенкой с частью крышки тонкостенного небольшого сосуда. Белоглиняные сосуды, скорее всего, относились к столовой посуде, так как следов нагара на них нет. Чёрный цвет ряда фрагментов объясняется следами пребывания в пожаре. Горшки сделаны из теста с примесью неравномерно-зернистого песка, мелкодробленой дресвы, органических и железистых включений. Керамика плотная, тонкостенная (5–7 мм), диаметр днища сосудов 8–9 мм. Обжиг хороший, так как в изломе нет чёрной полосы. Для изготовления использовался медленный гончарный круг. Конструирование сосудов выполнено в технике спирально-кольцевого налёпа, следы от заглаживания стенок фиксируются с внешней и внутренней сторон. В коллекции не представлено верхних профилей горшков, что затрудняет их датировку. Вместе с тем, состав теста, характер обработки поверхности керамики, а также общая тенденция, прослеживаемая на территории Карелии, когда на рубеже XVI–XVII вв. происходят изменения в традиции гончарного производства, и белоглиняная керамика вытесняется глиняными изделиями из красножгущихся глин, позволяет отнести данные материалы к XVI в.

Этим же временем следует датировать и фрагменты белоглиняного сосуда (10 фр.), сходного по составу теста, изменение цвета черепков которого вплоть до серого и чёрного связано с пребыванием в очаге пожара. Толщина стенок сосуда 0,5–0,7 см, диаметр горла около 10 см. Шейка прямая, переходит в немного приострѐнный по внутреннему краю, грубо сформованный венчик. Вровень с краем венчика крепилась небольшая ручка, заканчивающаяся у плечика сосуда. Возможно, это кельяная ручная кадьница – кацья.

¹ Определение Т. П. Амелиной, В. Ю. Коваля, О. Н. Глазуновой.

По составу глиняного теста, хорошо промешанного с мелкими зёрнами песка, отличается фрагмент тонкостенного изделия (крышки?) диаметром 10 см, с прямыми стенками, переходящими в край сосуда. Высота глиняного изделия 3,4 см, толщина стенок варьируется от 7 мм у днища (верха) до 4 мм у края сосуда. С внешней стороны нанесён орнамент из трёх полос. Судя по характеру теста и обработки поверхности, данное изделие следует датировать более поздним временем – XVIII–XIX вв.

Подавляющее количество фрагментов (61 экз.) керамической коллекции 2017 г. – это изделия из красножгущихся глин. Из них десять фрагментов относятся к верхним профилям сосудов, два – к днищам, один фрагмент ручки сосуда (горшка-братины?), остальные стенки (рис. 7). По профилировке верхней части сосудов можно выделить семь-восемь горшков. Реконструировать их формы из-за малочисленности фрагментов не представляется возможным. На некоторых фрагментах есть нагар, свидетельствующий о том, что данная посуда использовалась для приготовления пищи. В составе теста глины гидрослюднистого состава присутствует дроблёная древета, что, по мне-

нию В. Ю. Ковалёва, может рассматриваться как «архаичный признак Севера». Цвет черепка варьируется от тёмно-красного и оранжевого до серого и чёрного. Обжиг сосудов неровный, неполный. Диаметр горла, как минимум пяти сосудов, около 28–30 см. По формам верхней профильных частей они относятся к типам сосудов с отогнутыми и кососрезанными наружу венчиками, покатыми плечиками, а также с заострённым внутренним краем или заострённым и верхним и нижним краями. У некоторых сосудов по торцу венчиков имитирована кольцевая канавка. Часть сосудов из керамической коллекции из красножгущейся глины, судя по фрагментам тонкостенных стенок и плечиков, может быть отнесена к горшкам относительно небольших размеров, а один фрагмент венчика представляет совсем миниатюрный сосуд. Аналогии данной посуды встречаются по всей территории Карелии. Исходя из типо-хронологической шкалы, составленной на материалах археологических памятников Заонежья, данная посуда может быть отнесена к поздним типам керамики (тип VI, VII), получившим распространение на территории северо-запада России в XVII–XVIII вв. (Спиридонов, 2004. С. 281–303).

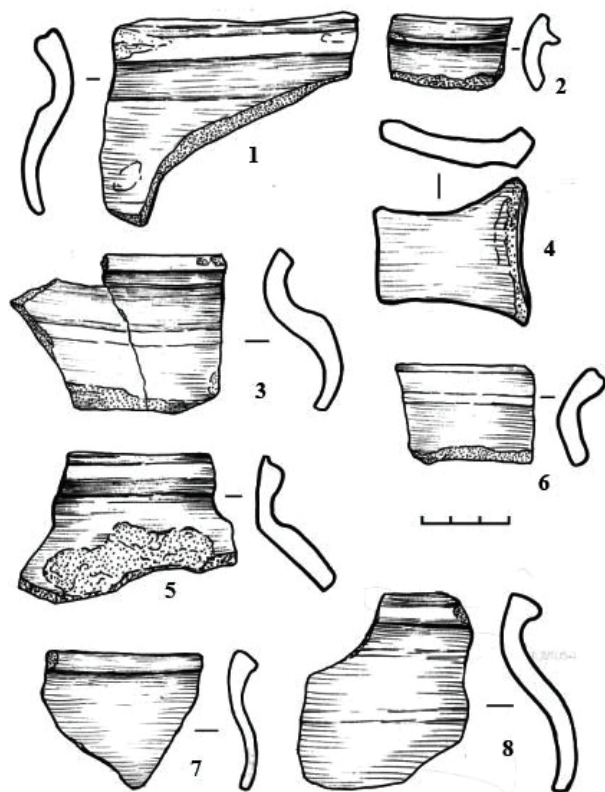

Рис. 7. Пустынь Андрусова. 2017. Красноглиняная керамика. Венчики

Наличие с начала XIX в. в зданиях монастыря печей-голландок отмечено четырьмя крупными фрагментами гладких эмалевых изразцов, «архитектурной керамики»: два куса румпы без лицевой пластины и два лицевой стороны. Привозные печные изразцы выполнены из красножгущейся глины: гладкие, тесто плотное, однородное, узкорамочные, ширина рамки 0,7 см, примеси и полости визуально не фиксируются, покрыты тонким слоем белой эмали с цеком. До конца XVIII в. печи, оформленные глазированными и терракотовыми изразцами, были дорогим, статусным предметом быта. После падения цен на такие изделия они стали доступны средним слоям населения.

Фаянсовая посуда (50 экз.) – это небольшие осколки бортиков и дна столовых чашек, блюдца и закусочных тарелок, в основном, второй половины XX в. Орнамент на внешней стороне края венчика – полицветная, подглазурная роспись стилизованного растительного рисунка на белом фоне. Фаянс хорошего качества, без трещин на глазури. Толщина осколков 0,3–0,4 см. Экземпляры с клеймами отсутствуют. Небольшое количество фрагментов (5 ед.) по комплексу общих морфологических признаков можно отнести к более раннему периоду – XIX в. Производство данной фаянсовой посуды российское (Салтыков, 1952).

Фарфор – более информативный материал в вопросе датирования, чем кухонная керамика, по-

этому очень интересны находки четырёх маленьких фрагментов столовой посуды второй половины XVIII в. (Татаурова, Татауров, 2010. С. 285–288). Среди них два осколка от тарелок знаменитого английского фарфора стиля Willow pattern и массовой, грубо расписанной немецкой посуды. Первый – это популярный, дорогой столовый фарфор, производившийся в Англии в конце XVIII – начале XIX в., расписанный в стиле сюжетов китайских образцов. На большом фрагменте (размерами 5,7 × 3,3 × 0,4 см) краевой части тарелки нанесён вручную монохромный узор тёмно-синего цвета на белом фоне, состоящий из простых растительных мотивов (стилизованные листья и распустившиеся цветы), «узор Уиллоу». На глазури присутствует характерная сетка волосообразных мелких трещин, так называемых цек. Импортная столовая посуда свидетельствует о некотором материальном благополучии насельников монастыря. Интересно, что в наших исследованиях православных монастырей в Карелии и Русской Лапландии данный «статусный» фарфор встречался при раскопках церкви святых Бориса и Глеба на р. Паз и церкви Рождества Христова Печенгского монастыря на Мурманском берегу (Шахнович, 2012а. С. 199; Шахнович, 2017а. С. 253).

В группу индивидуальных находок выделено 45 предметов. Нумизматические находки представлены пятью экземплярами: медные монеты начала XIX в. – 1 коп. 1800 г. и 2 коп. 1812 г., и три экземпляра серебряных «чешуек», из которых копейка и деньга XVI в. (Иван IV, Псковский денежный двор, тип 21²) происходят с уровня 0,2–0,3 м и одна копейка начала XVII в. (Михаил Фёдорович, 1617–1626 гг., Новгородский денежный двор, тип 679)³ с уровня 0,46 м. Вероятно, они попали на этот участок с перемещённым от церкви грунтом.

Мелкая медная пластика представлена нательным крестом, найденным на уровне 0,34 м. Крест литой, небольшого размера (4,1 × 1,6 × 0,2 см), четырёхконечной формы, с прямыми концами, с хорошо сохранившимся ушком-оглавием уплощённо-округлой формы с двумя венцами. Типовые изображения рельефные: на лицевой стороне в центре восьмиконечный Голгофский крест с тростью и копием, на концах неясные монограммы с титлами. На оборотной стороне всё поле заполнено стёршимся текстом, скорее всего, это молитва Святому и Животворящему Кресту Господню. Кресты данного типа, «старообрядческие, мужские», были

² Классификация И. В. Гришина, В. Н. Клецинова, А. В. Храменкова. (Гришин и др., 2015).

³ Определение К. В. Горлова (ИИМК РАН).

массовым изделием в XVIII–XIX вв. и хорошо известны среди находок мелкой медной пластики Северной и Центральной России (Винокурова, 1999. С. 140–141; Герман, 2014. С. 216–220). Не следует полностью исключать возможность его датирования и второй половиной XVII в. (рис. 6: 3; 8).

Среди находок есть пять экземпляров «поздних» пуговиц. Две форменные пуговицы медного сплава с ушками от военного обмундирования: шинельная, с изображением стоящего на задних лапах льва (Финляндия, 1940-е гг.) и плохой сохранности от советской военной формы, а также стандартные штампованные от нижнего белья («кальсонные»), с четырьмя отверстиями, диаметром 1,7 см (3 шт.), из них одна имеет надпись «ФАБРИКА ПРОМ-ВОЕНХОЗ» (1920-е гг.). Последние использовались с конца XIX – начала XX в. и до второй половины XX в. (Кунгурцева, 2017. С. 359). Здесь же следует отметить фрагмент декоративной застёжки медного сплава с перламутровой вставкой. Интересно, что идентичная целая застёжка найдена в 2017 г. при раскопках церкви Воскресения Христова в г. Петрозаводске (Шахнович, 2018. С. 157). Скорее всего, это часть священнического облачения.

Находок, которые можно связать с убранством и функционированием рядом стоящего храма, немного. Это многогранная прозрачная подвеска от хрустальной люстры каплевидной формы из прозрачного стекла с отверстиями на двух концах для проволочного крепления (размерами 3,2 × 2 × 1,2 см) (рис. 6: 6), а также осколки лампадных прозрачных стёкол: два розового цвета и один тёмно-синего. Все они происходят из верхнего горизонта и попали на участок с грунтом от церкви.

Рис. 8. Андурсова пустынь. 2017. Крест нательный. Медь

Нужно упомянуть находку миниатюрного железного замка хорошей сохранности (размерами 6,2 × 3,3 × 2 см): одноцилиндровый, навесной, с горизонтально расположенным запирающим механизмом и высокой петельчатой дужкой. Замочная скважина расположена в центре на торцевой стороне корпуса. На бочкообразном корпусе видны вертикальные рельефные полосы усиления (рис. 9: 3). Подобного типа замки встречаются в слоях XVIII–XIX вв. (Момбекова, Андреев, 2018. С. 152).

На уровне 0,5–0,55 м найдены фрагменты слюдяных оконниц (9 шт.). Вероятно, это один-два расслоившихся, частично деформированных кусочков «остекления» окна (рис. 10). Слюда использована тёмная («бурая»). Края пластины обрезаны, хорошо видны наколотые по периметру пластины через равные промежутки в 1–1,3 см маленькие сквозные отверстия (диаметром 1 мм) для сшивания (Шахнович, Скамницкая, 2014. С. 141–152).

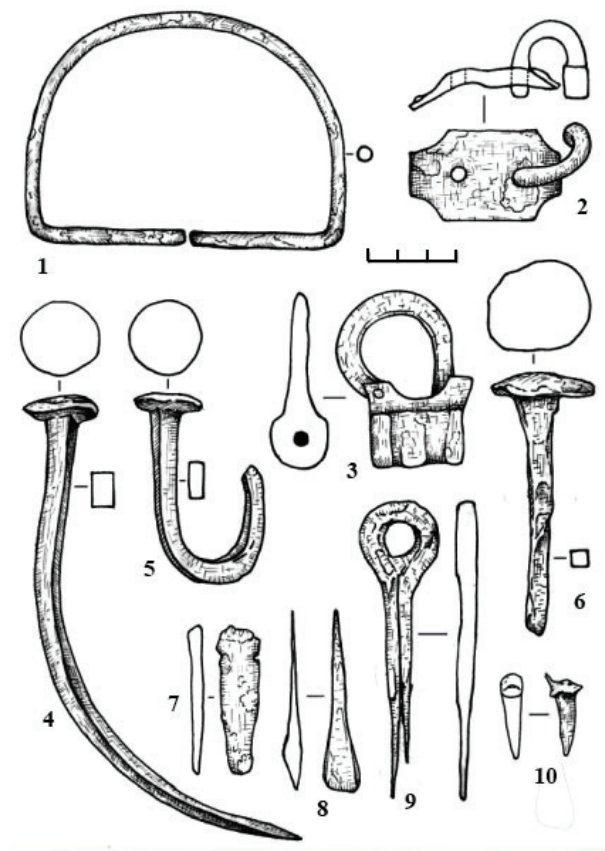

Рис. 9. Пустынь Андрусова. 2017. Находки из железа:
1 – ручка сундучная; 2 – петля от котла;
3 – замок; 4–6 – гвозди; 7 – неопределённый предмет; 8 – «долотце»; 9 – пробой; 10 – фрагмент шипа ледоходного

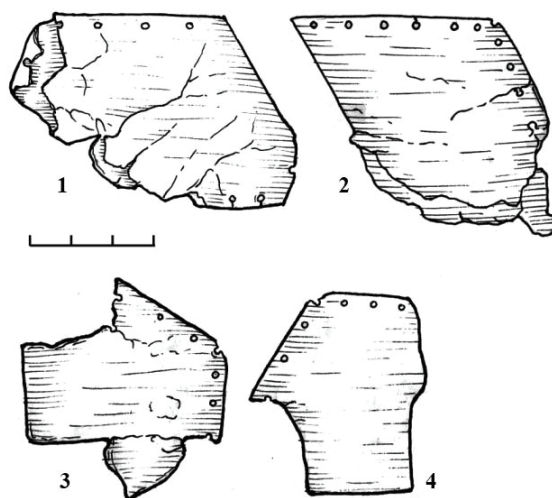

Рис. 10. Пустынь Андрусова. 2017.
Фрагменты слюдяных оконниц

Перечислим интересные, но часто из-за фрагментарности малоинформативные кованые находки из железа: обломок острия ледоходного шипа (размерами 2,5 × 1,4 × 0,8 см), петлевое ушко от котла (размерами 6,4 × 3 × 0,3 см), «грузик» – кусок пластины с боковыми пазами (размерами 5,1 × 1,4 × 0,6 см), «долотца» (размерами 6,3 × 1,3 × 0,7 см), пробой, крюк для подвешивания (размерами 12,8 × 2,5 × 0,7 см), две сундучные ручки с разомкнутыми концами диаметром 0,5 см, фрагмент обуха топора и часть дверной петли (рис. 9).

К заметным бытовым вещам можно отнести кусок декоративной стеклянной опоры для керосиновой лампы из прозрачного стекла, часть круглой подставки из белого мрамора со шлифовкой по торцу и с отверстием в центре (размерами 17 × 10,8 × 2 см), кусок мраморного шара со сверлённым отверстием в центре (размерами 9,5 × 4,7 × 5 см) (рис. 6: 2, 4).

Остеологические находки (21 шт.) представлены, за исключением двух разрозненных фрагментов человеческих костей, «кухонным набором» со следами первичной разделки (рубка топором). Это крупный рогатый скот: коренные зубы молодого животного до двух лет (2 шт.), фрагменты рёбер (4 шт.), шейного позвонка (1 шт.), лопатки (3 шт.), таза (1 шт.), лучевой кости (2 шт.); мелкий рогатый скот – фрагменты левой кости и таза свиньи (2 шт.); лошадь – фрагмент головки бедренной кости.⁴ В монастыре мясо могли употреблять не-

⁴ Определение зав. кафедрой биологии Тверского государственного университета А. В. Зиновьева.

монашествующие лица. Наличие кости лошади со следами от расчленения позволяет уверенно отнести этот блок находок к «советскому» периоду жизнедеятельности в данном месте. Особо отметим, что кости рыб отсутствуют.

Полученный материал позволяет сделать следующее наблюдение. Территорию внутри монастырского каре условно можно разделить на две зоны: сакральную и жилую. В нашем случае хорошо фиксируется специфика околочерковного пространства: несмотря на длительную историю монастыря, активная хозяйственная деятельность на исследованном участке не проводилась. Обычный «бытовой фон» минимален. Массовые категории предметов, которые можно связать с хозяйственной и бытовой жизнедеятельностью/жилыми комплексами: керамика, кухонные остатки, отходы производства, бытовой инвентарь и т.п., не значительны. Идентичная ситуация наблюдалась при раскопках церквей в Иона-Яшезерском, Кандалакшском, Трифоново-Печенгском монастырях (Шахнович, 2012б; 2013; 2017б). Выскажем предположение о том, что условные центры монастырской усадьбы в XVI–XVII вв. и в XVIII–XX вв. не совпадали.

Результаты

Работы 2017 г. можно рассматривать как начальный, рекогносцировочный этап изучения Никольского Адриано-Андрусовского монастыря. Проведённые раскопки внесли некоторую ясность и объективное понимание пространственной структуры монастырской усадьбы и позволили дополнить имеющиеся сведения по реконструкции истории обитатели. Получены первые сведения о характере и состоянии культурного слоя XVI–XIX вв. в центральной части ОАН «Пустынь Андрусова». Анализ стратиграфии и находок на исследованном участке позволяет сделать вывод о том, что антропогенные отложения преимущественно датируются XIX–XX вв., но есть и незначительный слой XVI–XVIII вв. Подтвердилось первоначальное предположение об отсутствии погребений на центральном участке «двора», к северу от церквей. Найдены остатки сооружений благоустройства монастырского двора, присутствующие на изображениях XIX в., получена информация об их фактическом натурном расположении и конструктивных особенностях. Продолжение археологических работ на усадьбе монастыря – это очень перспективное направление по изучению средневековых комплексов Приладожья.

Источники и литература

- Андрусова-Николаевская пустынь, Олонецкой губернии. Историческо-статистический очерк. СПб., 1905.
- Бирюков Ю. Б., 1999. Раскопки Рождественского собора Коневецкого Рождественского монастыря // АО–1997. М.
- Винокурова Э. П., 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. М.
- Герман К. Э., 2014. Кресты-тельники с Кижского погоста // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск.
- Гришин И. В., Клещинов В. Н., Храменков А. В., 2015. Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М.
- Историческо-статистический очерк Олонецкой губернии. СПб., 1906.
- Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н., 1974. Обследование острова Коневец на Ладожском озере // АО–1973. М.
- Кожевникова Ю. Н., 2017. Никольская Андрусова пустынь. XVI–XX вв. Петрозаводск.
- Кунгурцева С. А., 2017. О некоторых категориях находок XIX – начала XX вв. из археологических раскопок Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь. Вып. 10.
- Логинов К. К., 1993. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб.
- Момбекова А. А., Андреев А. А., 2018. Средневековые ключи и навесные замки Затверецкого посада г. Твери (по материалам раскопа № 74) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь. Вып. 11.
- Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 г. Л., 1930.
- Салтыков А. Б., 1952. Русская керамика XVIII – начала XX вв. М.
- Сорокин П. Е., 2004. Археологическое изучение Валаамского монастыря: к вопросу о возникновении

- и об исторической топографии // Валаамский монастырь: духовные традиции, история, культура. СПб.
- Спиридонов А. М., 2004. Средневековые поселения центра Толвуйского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск. Вып. 9.
- Студенцова Е. О., 2017. Содержание и эксплуатация Шенкурского тракта от г. Каргополя до ст. Няндомы в конце XIX – начале XX в. // Каргополь и Русский Север в истории и культуре России. X–XXI вв. Каргополь.
- Татаурова Л. В., Татауров Ф. С., 2010. Возможности «археологического» фарфора как источника // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск.
- Шахнович М. М., 2012а. Древний храм святых Бориса и Глеба на реке Паз: опыт историко-археологического исследования // Четвёртые Феодоритовские чтения / Север и история. СПб.
- Шахнович М. М., 2012б. Работы в Трифоново-Печенгском монастыре (Мурманская обл.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 26.
- Шахнович М. М., 2013. Археологическое обследование Благовещенской церкви Ионо-Яшезерского монастыря в 2012 году // Православие в вепском крае. Петрозаводск.
- Шахнович М. М., 2016. К вопросу о гидротехнических крестьянских сооружениях Карелии: каналы озера Каменное (Киитехеньярви) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в Средневековье. Тверь. Вып. 9.
- Шахнович М. М., 2017а. Археологические работы по поиску «братской могилы 116 мучеников» Трифоново-Печенгского монастыря // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь. Вып. 10.
- Шахнович М. М., 2017б. Археологические работы на Монастырском Наволоке в г. Кандалакше в 2015 г. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 6.
- Шахнович М. М., 2018. Археологическое изучение Воскресенской церкви в городе Петрозаводске в 2017 году // Державинский сборник – 2018. Петрозаводск.
- Шахнович М. М., Скамницкая Л. С., 2014. Локализация мест добычи слюды в позднем Средневековье на Кольском полуострове и в Северной Карелии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск. Т. 9.